

ПАКЕТ

1 сентября

Сегодня вечером, около пяти часов, кто-то позвонил в мою дверь. Я никого не ждал. Живу я одиноко, никто ко мне не ходит, да и сам я в последнее время всё реже выхожу из дому: здоровье, знаете ли, уже не то, лишний раз спустаться с третьего этажа – сущее наказание, а уж подниматься! Да ещё ступеньки на нашей лестнице такие крутые! – не ровен час, упадёшь, так беды не оберёшься. Пожилому человеку на восьмом десятке лет приходится быть осторожным.

О чём это я? – Ах, да, звонок в дверь! Надо признаться, он застал меня врасплох. Я отложил в сторону книгу, над которой дремал битых полчаса, запахнул халат и поплёлся открывать.

На пороге стояла незнакомая женщина лет тридцати, тёмненькая, черноглазая. Высокие скулы, миндалевидный разрез глаз и смуглая кожа выдавали в ней уроженку Средней Азии. Была ли она узбечкой, или таджичкой, предположить не возьмусь. В общем-то, это не так уж и важно. Куда важнее было выражение испуга, написанное на её лице. Мне тоже отчего-то сделалось страшно, рука сама потянулась к двери, но у меня не хватило духу захлопнуть её: слишком уж кротко, с какой-то слишком уж смиренной мольбой смотрела на меня эта женщина.

– Пожалуйста! – сказала она на хорошем русском языке, почти без акцента, – сохраните у себя этот пакет! Я приду за ним позже.

Не успел я опомниться, как она всучила мне в руки какой-то свёрток, ещё раз, теперь уже с благодарностью, взглянула на меня и побежала вверх по лестнице на четвёртый этаж. Где-то наверху хлопнула дверь. На мгновение стало тихо, потом снизу послышались быстрые шаги и оживлённые голоса. Они стремительно приближались. Я поскорее захлопнул дверь, запер её на замок и прильнул к дверному глазку.

Не подумайте ничего плохого! Обычно я не нелюбопытен, не имею привычки следить за соседями. Но на сей раз не смог удержаться: что-то подсказывало мне, что люди, поднимающиеся по лестнице, имеют какое-то отношение к моей недавней гостье.

По-видимому, я не ошибся. Мимо двери прошли трое молодых людей, смуглых, коротко стриженных, одетых в чёрные кожаные куртки. Один из них посмотрел на мой глазок, задержал взгляд и прищурился. В панике я отпрянул от двери, хотя он, конечно же, не мог разглядеть меня с той стороны.

Я проследовал на кухню, положил таинственный свёрток на стол. Вот он, лежит передо мной, ничем не примечательный, обычный предмет. Напоминает обыкновенную почтовую бандероль: завернут в коричневую бумагу, по швам обклеен липкой лентой, вот только ни адреса, ни почтовых марок на нём нет. Невелик, не больше коробки из-под торта. Что в нём?

Мало-помалу моё любопытство сменилось тревогой: вдруг внутри пакета наркотики, или ещё того хуже – взрывчатка!

Я осторожно поднял свёрток, взвесил его на руке – не тяжёлый; потряс возле уха – не услышал никаких подозрительных звуков; понюхал – не уловил ни малейшего запаха. И то – куда уж мне учуять что-нибудь, с моим-то обонянием! Вот если бы у меня была служебная собака, натренированная распознавать опасные вещества! Хотя, если разобраться, на что она мне? На одну мою пенсию такого пса не прокормишь, да и возни с ним, наверно, уйма: гуляй каждый день, лечи, воспитывай... Мне бы себя как-нибудь с грехом пополам прокормить, обслужить и вылечить, какие уж там собаки!

Что же мне всё-таки делать с этим пакетом?

Я долго сидел на кухне, смотрел на коричневый свёрток, и в голове моей, одна за другой, проносились тревожные картины: то начинённый пластиковой взрывчаткой пакет неожиданно взрывался посреди ночи, уничтожая полдома; то ко мне врывается полиция и арестовывала меня за хранение наркотиков.

Не отнести ли его, от греха подальше, на балкон? Нет, – вдруг там что-нибудь ценное, что-нибудь, что боится сырости. А на улице, как назло, зарядил дождь.

Может быть, пойти наверх, разыскать ту женщину и вернуть ей свёрток? В конце концов, я же не соглашался его хранить. Скажу, что у меня не было выбора, что я не понял, чего от меня хотели, что я передумал, наконец! Но тут я представил себе её робкий, просящий взгляд и понял, что никуда не пойду. Свёрток останется у меня.

Я положил его в прорезиненную сумку и запихнул под ванну. Мышей у меня нет, там он будет в безопасности. А я буду подальше от него: ванная комната и спальня находятся в противоположных концах квартиры.

И, казалось бы, убрал, и забыл! Ан, нет! Тревожные мысли не покидали меня. Не спал всю ночь.

2 сентября

Всё утро ждал, когда женщина придёт за своим пакетом. Напрасно! Никто не пришёл. Несколько раз мне казалось, что где-то в гулкой пещере подъезда хлопает дверь. Я подбегал вначале к дверному глазку, потом – к кухонному окну, из которого видна дорожка перед домом, но так и не увидел ничего интересного. Тихо было в доме, тихо на улице, разве что пройдёт мимо сгорбившийся дворник, волоча за собой разболтанную тележку о трёх колёсах, четвёртое – давно уже отвалилось, или проскользит мимо окон машина, и всё, тишина.

После обеда я окончательно потерял терпение, оделся, взял свою трость и вышел на улицу. В глубине двора, в тени четырёх стареющих лип, есть несколько скамеек. Я уселся на одну из них. С этого места мне был виден весь наш маленький двор, а также подъезды и большинство окон нашего четырёхэтажного дома. В третьем этаже, в окне моей кухни, сквозь занавеску была видна зажжённая люстра. Уходя, я забыл выключить свет. Что делать, памяти совсем не стало! И зачем я вообще включил эту люстру в такой погожий, солнечный день? Следовало бы вернуться, погасить свет, но я решил не беспокоиться. Пусть себе горит. Поднимешься наверх, и не захочется уже спускаться назад, а на улице так хорошо! Судя по календарю – осень, а всё ещё как будто лето, тепло.

Рядом со мной, на краешке скамейки, примостился старичок из второго подъезда. Я не знаю, как его зовут. Он никогда ни с кем не разговаривает, только улыбается и поднимает правую руку, когда хочет поприветствовать кого-нибудь. Обычно я отвечаю ему тем же жестом, и он очень радуется, кивает головой и быстро-быстро моргает глазами, как будто собирается заплакать, но не плачет. Мне рассказывали, что этот старичок пережил инсульт и два серьёзных инфаркта. Другой бы на его месте не поднимался с постели, а этот каждый день, как штык, выходит во двор и гуляет, в дождь, в снег, в мороз. Я часто вижу его из окна. По нему можно сверять часы. Если бы в один прекрасный день он вдруг не вышел бы на прогулку, я бы, пожалуй, расстроился. Не важно, что за всю свою жизнь я не обмолвился с ним ни единым словом. Что с того? У нас двоих есть что-то общее, что-то неуловимо связывающее нас друг с другом и с жизнью, и с нашим теперешним временем. У меня осталось не так уж много подобных связей, и каждая из них дорога мне, как тоненькая ниточка, вплетённая в истрёпанный канат, соединяющий меня с миром.

Когда-то таких ниточек было много, я их не считал, не оплакивал их, когда они рвались. А теперь, если ниточка рвётся, такая тоска подступает к сердцу! Боже мой, какая тоска!

Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Пока человек растёт, взрослеет, его окружает огромная армия связанных с ним людей. Тут тебе и родители, и одноклассники, потом однокурсники, коллеги, дети, друзья детей, всех и не перечислишь. Но вот, достигнув какого-то невидимого рубежа, начинаешь замечать, как один за другим исчезают друзья, знакомые, родственники, как расходятся пути, как вырастают дети, как смерть забирает дорогих и близких. И тут бы привыкнуть к прощаниям, но нет, не выходит, потому что, прощаясь с другими, прощаешься и с самим собой, с тем, кем ты был прежде, за мгновение до ненавистного расставанья. И хочется вернуться к себе, к тому, цельному, не размытому потоком времени, но обратного пути нет, всё только вперёд и вперёд, в неизвестное, к неизвестным. А они, неизвестные, окружены своим собственным миром, им нет до тебя никакого дела. Так и выходит, что чем старше становишься, тем сильнее тянешься к людям, и тем труднее становится до них дотянуться.

Иногда мне в голову приходит странная фантазия, будто я живу внутри какой-то прозрачной сферы, из которой выкачали воздух. Ничто живое не может ко мне приблизиться из страха задохнуться. Сделаю шаг вперёд, и все отступают, освобождают мне место. На что мне это пустое, безвоздушное место?

Должно быть старичок, сидящий рядом со мной, тоже живёт внутри своей сферы, потому и не говорит, потому и приветствует всех взмахом правой руки.

Мы просидели на улице долго. Молчали, грелись на солнце. К вечеру стали возвращаться домой соседи. С некоторыми из них я здоровался без слов, снимая шляпу и кланяясь, а они кивали мне в ответ. Но никто не подходил, чтобы поговорить, так что я ничего не узнал о новых жильцах, поселившихся в нашем подъезде на четвёртом этаже. Не видел и женщину, оставившую мне пакет. Ушёл домой разочарованным. Пробовал смотреть телевизор. Какую же всё-таки чепуху показывает иногда наше телевидение!

3 сентября

Пакет опять лежит на столе в моей кухне. Я смотрю на него и думаю: «Нет, так дальше нельзя! Ещё одна бессонная ночь и мои нервы, и без того порядочно расстроенные, окончательно сдадут!»

А пакет лежит себе спакойненько, что-то прячет внутри себя. Эта загадка сводит меня с ума. О чём бы я ни думал, мысли всё время возвращаются к пакету и к женщине, которая его принесла. Не случилось ли с ней чего неладного? Вдруг она заболела, лежит в постели и не может спуститься ко мне? Вдруг она совсем не придёт? Куда мне тогда деваться с этим пакетом?

Сходить бы наверх, поговорить с ней. Я бы давно уже поднялся на четвёртый этаж, благо, номер квартиры мне известен – это квартира номер семь, прямо надо мной, единственная в нашем подъезде, где нет постоянных жильцов. Чаще всего она пустует, но время от времени её сдают каким-то таинственным личностям. Ни об одном из этих квартиросъёмщиков я не могу сказать ничего определённого. Как правило, они приходят и уходят рано утром или поздно вечером, иногда – ночью. Пробегут по лестнице, шмыгнут к себе, и сидят там тихо, как мыши, ни за что не догадаешься, дома они, или нет. Специально ли хозяева подбирают таких жильцов, или так уж им везёт, я не знаю, только долго они здесь не задерживаются: пара недель, месяц – и нет их, поминай, как звали. А потом, глядишь, объявятся какие-нибудь новые квартиросъёмщики, и так же быстро исчезнут.

Я думаю, что владелица пакета поселилась в седьмой недавно. Раньше я её не замечал. Она бы обязательно привлекла моё внимание своей экзотической внешностью. В молодости, что скрывать, я испытывал слабость к брюнеткам.

Так вот, о чём это я? Ах, да, я хотел сказать, что давно бы уже зашёл в седьмую квартиру, если бы не воспоминание о трёх подозрительных молодцах, виденных мною в дверной глазок. Мне почему-то показалось, что они нехорошие люди, и я предпочёл бы не встречаться с ними с глазу на глаз в безлюдном подъезде.

Я долго не мог собрать в кулак своё мужество и решиться, но после ужина всё-таки не утерпел.

Ужинаю я рано, в семь часов, такая уж у меня привычка. Удобно: покушал, помыл посуду, и весь вечер твой, не нужно больше отвлекаться на возню с едой. Когда, бывает, засижусь допоздна, то пью перед сном чай с баранками или печеньем, чтобы не ложиться спать натошак. Ну вот, значит, поужинал я, побродил по квартире, взял книгу, полистал, полистал её, бросил. И решил-таки пойти.

Поднимаюсь на четвёртый этаж, нажимаю на кнопку звонка возле квартиры номер семь, а сам готовлюсь внутренне: если откроет один

из громил, попрошу у него соли, авось не спустит он меня за это с лестницы.

Но мне открыла девушка, тоже то ли узбечка, то ли таджичка, совсем молодая, но не до такой степени, чтобы годиться в дочери хозяйке пакета. «Вам чего?» – спрашивает, и смотрит на меня с нескрываемым любопытством сквозь щёлку в приоткрытой двери.

«Не у вас ли, – спрашиваю, – живёт одна женщина, низенького роста, брюнетка с чёрными глазами?»

Девушка рассмеялась, повернула голову и крикнула что-то на своём языке. Дверь распахнулась, и предо мной предстали ещё четыре женщины, все низенькие, темноволосые, черноглазые. Я посмотрел на их лица и понял: среди них не было той, кого я искал. Попробовал задавать вопросы, но толку не вышло. Мои соседки плохо говорили по-русски, а мне не удалось описать нужную мне женщину. Не запомнил даже, во что она была одета, садовая моя голова! Так и ушёл ни с чем. Ничего не узнал.

4 сентября

Утром поднялся рано. На часах – четыре утра. На улице – туман. Серо.

Завтрак затевать не стал – успеется, так, перехватил кое-что всухомятку. Странное дело: видимо из-за пережитых в последние дни волнений ко мне вернулся волчий аппетит. Вот и верь после этого врачам, которые не велят волноваться.

Накинув на плечи осенний плащ, надев шляпу и захватив с собой зонтик, я вышел во двор. Никого. Что ж, придётся ждать.

Моя вчерашняя встреча с обитательницами квартиры номер семь оказалась не напрасной. Она навела меня на любопытную мысль. Я вспомнил, что ещё ни разу не видел этих женщин в дневные часы. Значит, они выходят ночью, скорее всего, работают где-то в ночную смену. Следовательно, поднявшись пораньше, я смогу подкараулить мою неуловимую незнакомку, когда она будет возвращаться с работы. Сделаю вид, что наткнулся на неё совершенно случайно, поздороваюсь, заведу разговор, заодно, как бы ненароком, спрошу про пакет.

И вот я на улице, расхаживаю взад и вперёд по тротуару, меряю шагами его длину. Остановиться нельзя, это нарушит иллюзию спонтанности: возникнет впечатление, что я нарочно поджидаю кого-то.

Надо ли говорить, что надолго меня не хватило. Спустя каких-нибудь полчаса мои ноги гудели, а в голове колыхалась и звенела прозрачная пустота. Я поспешил присесть на скамейку под липами,

чтобы перевести дух. Только отдышался, как дверь подъезда отворилась и из неё вышли четыре женщины, в том числе – владелица пакета.

Не знаю, почему, но я ожидал встретить её одну. Увидев целую компанию, я растерялся и упустил свой шанс. Она прошла мимо, не поздоровавшись, и даже не взглянула в мою сторону. Наверно, не заметила меня. Молодёжь вообще редко обращает внимание на стариков.

Я поднялся со скамейки, чтобы пойти домой, но ноги сами собой понесли меня вслед удалявшейся четвёрке. Женщины шли медленно, их головы были опущены, подошвы то и дело задевали асфальт. Шаркающие звуки их шагов далеко разносились в сгустившейся утренней тишине. Все они молчали, смотрели под ноги прямо перед собой. Казалось, что они ещё не совсем проснулись и бредут наугад в состоянии лёгкой полудремоты.

Мне было совсем не трудно следовать за ними на расстоянии в пятьдесят шагов. Я видел контуры их спин. Смутно виднелась стрела асфальтовой дорожки, пересекавшая газон. Кое-где выступали углами громады многоэтажных домов. Всё остальное терялось в тумане.

Вскоре я догадался, куда мы идём. Эта дорога была известна мне до мельчайших подробностей. В течение многих лет я ходил по ней на работу, на завод «Красный луч», где я служил инженером в конструкторском бюро до тех пор, пока меня не продвинули по партийной линии.

Завода больше нет. Несколько лет назад на его месте построили огромный торговый центр. Я был в нём только однажды, вскоре после открытия. Тогда мне как-то особенно запомнились блестящие полы, ярко сверкавшие и переливавшиеся в солнечных лучах, проникавших внутрь сквозь стеклянную крышу. И до такой степени поразили меня эти полы, и поразили, надо сказать, неприятно, что с тех пор я не заходил больше внутрь. А снаружи здание выглядит вполне заурядно.

Мои соседки вошли в торговый центр через служебный вход. Магазины были ещё закрыты, внутри – темнота. Я повернулся и пошёл домой.

Таким образом, я узнал, где они работают. Проку в том, конечно же, нет никакого, искать их в этой громадине – всё равно, что иголку в стоге сена. Но мне всё же было приятно, что я хотя бы на шаг приблизился к разгадке тайны пакета.

Только приблизился ли? До позднего вечера я обдумывал, как мне использовать полученные сведения. А в одиннадцатом часу у меня над головой неожиданно раздался металлический грохот, как будто кто-то несколько раз ударил отрезком трубы по пустой железной бочке. Вслед за тем в квартире номер семь послышался топот, что-то тяжёлое упало на пол. Потом в подъезде гроыхнула с силой захлопнутая дверь. По лестнице застучали громкие, торопливые шаги.

Я приподнял уголок занавески, закрывавшей кухонное окно, краешком глаза взглянул на улицу. Молодые люди в чёрных кожаных куртках садились в машину. Через минуту двор опустел. С неба начал сыпаться мелкий дождик.

В моей душе снова ожил и зашевелился отвратительный червяк страха. Но на этот раз он был не один. Вместе с ним зашевелилось беспокойство, не за себя, а за незащитных женщин, живущих наверху. Мне захотелось немедленно пойти к ним, проверить, всё ли у них в порядке.

Я сдержал свой порыв. Никто не просил меня вмешиваться в чужие дела. Если они на самом деле нуждаются в помощи, им известно, где её можно найти. Помогу, чем смогу. Взял же я на хранение этот пакет. И хорошо сделал. Теперь я был почти уверен: пока пакет у меня, женщинам наверху нечего бояться. Пусть себе лежит под ванной, пока за ним не придут. Мне места не жалко.

5 сентября

Женщина пришла, как и в первый раз, около пяти часов вечера. Как и в первый раз, я её не ждал. Она вошла в прихожую нерешительно, явно робея, её правая рука нервно теребила полу белой блузки, левая была согнута в локте и плотно прижата к телу.

Я тоже почувствовал себя не в своей тарелке, вспомнил, что на мне изрядно вытертый домашний халат и ступешался. В течение нескольких секунд мы стояли молча и глядели друг на друга не прямо, а как-то вскользь. Наконец, она поздоровалась и спросила про пакет.

«Ах да! Конечно!» – воскликнул я и отправился в ванную комнату.

Получив свой пакет, женщина поблагодарила меня, улыбнулась и направилась к двери. Я не смог удержаться:

– Постойте! С вами всё в порядке? – почти прокричал я ей вслед.

Женщина обернулась и в первый раз посмотрела мне прямо в глаза.

– Всё хорошо, – ответила она, – а что?

– Вчера ночью я слышал у вас наверху ужасный грохот.

– А, это ничего! Просто приходили братья Гульнары, помогали переставлять мебель.

– Значит, вам не грозит опасность?

– Нет, – просто ответила она.

И тут я снова не утерпел:

– Скажите, а что там, в пакете?

– Ничего особенного, просто лекарства. Хочу переправить их домой, там они очень нужны.

Так вот в чём дело! Вот как просто всё объяснилось! А я-то возмнил невесть что, навывдумывал наркотиков, взрывчатки, старый дуралей!

Я извинился перед женщиной, она ещё раз поблагодарила меня, мы попрощались и она ушла.

«Лекарства! Лекарства! И надо же было лезть и спрашивать! Поделом тебе! Так тебе и надо!» – укорял я себя. Потом мои мысли приняли новое, неожиданное направление: «Если это всего лишь лекарства, зачем было оставлять их у меня? Боялась, что украдут? – лекарства-то нынче дорогие. Или опасалась этой подозрительной троицы в кожаных куртках? Переставляли мебель! В одиннадцать-то часов ночи! Интересно, что это за люди, и на самом ли деле они чьи-то братья, или просто бандиты, обижающие или даже грабящие своих соотечественников? Единственный способ узнать об этом – спросить у самой женщины. Но спрашивать надо не прямо, не в лоб, как сегодня, иначе она, конечно же, ничего не расскажет. Тут надо как-то по-другому. Не сообщить ли обо всём участковому? Нет, не стоит. Вот если бы у меня были конкретные обвинения, или я сам стал свидетелем каких-нибудь противоправных действий, тогда – пожалуй. А так от вмешательства властей будет больше вреда, чем пользы. Дело тут деликатное, как бы не вышло хуже для самих женщин. Бандиты, они что? – отвернутся, а кто потом защитит от них несчастных узбечек?»

И всё же сомнения грызли и грызли меня. Как гражданин, я обязан встать на защиту общественных интересов и бороться со всяческой несправедливостью. Как человек, я должен руководствоваться правилами приличия и не совать свой нос в чужие дела, особенно когда меня об этом не просят. Что важнее, долг гражданский или долг человеческий? Когда-то давно я бы без колебаний ответил: «Конечно гражданский, конечно, общественный!» Теперь я уже далеко не так уверен в этом. У нас теперь не осталось ничего по-настоящему общественно-

го, всё либо частное, либо государственное: собственность, организации, интересы. А люди что? – каждый сам по себе.

Что же делать? Эх, вот если б была жива моя жена! Она-то всегда безошибочно определяла, что правильно, а что нет, знала, где проходят границы приличий.

Схоронил я жену четыре года назад.

«Не посоветоваться ли с дочерью?» – осенило меня. Я схватил трубку телефона, но сразу же положил её на место. Ей наверно не до меня. Она живёт в столице со своим третьим мужем и двумя взрослыми сыновьями – моими внуками, работает экономистом в крупной государственной корпорации. На ней большая ответственность, тут уж не до пустяков.

Когда же они приезжали ко мне в последний раз? Кажется, два года тому назад, или три?.. Что-то так сразу и не припомню, память-то уже не та. Зато прекрасно помню, что на прошлый Новый год они присылали мне посылку. В ней был настоящий японский чай, – такого у нас не купишь, и, кажется, шерстяные носки. Чай я выпил, а куда же подевались носки?

Нет, не стану им звонить: дочь рассердится, а внуки, чего доброго, поднимут меня на смех: «Совсем, - мол, - ополоумел наш дед, сделался параноиком на старости лет». Где им понять, молодым?

Что ж это у меня так руки задрожали? Нервы совсем никуда не годятся. Не выпить ли, в самом деле, чаю?

Я поставил чайник на плиту, а сам всё думал и думал, и надумал вот что: попробую-ка я поговорить с моей новой знакомой по душам. Дождусь подходящего случая, найду какой-нибудь повод. А там видно будет.

Конечно, легче сказать, чем сделать. Не подойдёшь же этак запросто к человеку. Как бы всё это так устроить, чтобы поделикатнее!

6 сентября

Весь день ходил по квартире из одной комнаты в другую. Думал.

7 сентября.

Я нашёл её! Иду я, значит... Нет, не так! Как же это было? Вначале я поднялся на четвёртый этаж, позвонил в седьмую квартиру. Мне не открыли. Никто и не мог открыть! Все же были на работе! Но я-то тогда этого не знал, потом только узнал, после того, как поговорил с Фархундой. Она, кстати, вовсе не узбечка, а уйгурка. Её родители живут в Узбекистане, братья и сёстры разъехались, кто в Китай, кто в

Россию. Работать в их маленьком селе совсем негде. Да что же я! Хотел ведь по порядку, а сам прыгаю с пятого на десятое!

В общем, отправился я в торговый центр. Полы там уже не такие блестящие, как раньше, подвытерлись, потускнели. Магазинов стало намного меньше. Покупателей – ни души, может быть потому, что было утро. Странно бродить одному внутри такой громадины. Повсюду с потолков сочится музыка: брям-брям, брям-брям, в залах и коридорах – своя, в магазинах – своя, везде разная, но поёт как будто всё та же певица, поёт по-английски, и голос у неё какой-то длинный, скрипучий. Нет, не понимаю я современную музыку.

Ах ты, пропасть! Опять я не про то! Там у них, на третьем этаже, есть несколько ресторанов. Я набрёл на них по ошибке: где-то свернул не в ту сторону и оказался среди целого моря пустых столиков. Видимо, в десять часов утра ещё не было желающих обедать, и я-то уж точно не собирался. Во-первых, я плотно позавтракал перед тем, как выйти из дома, во-вторых, общепит мне теперь не по карману. К тому же, я всегда боюсь съесть там что-нибудь некачественное и отравиться. А эти рестораны как раз выглядели особенно подозрительными. Жена мне не раз говорила: «Всегда заходи только в те столовые, где много посетителей». А тут – никого. За стойками... Да пропади они пропадом, эти рестораны! Я вовсе не о них хотел рассказать!

Словом, Фархунда работает в этом большом ресторанном зале, моет полы, убирает со столиков. Посетителей не было, поэтому она сидела в уголке, на пластмассовом стуле, и читала книгу.

Я сел за один из столиков и стал смотреть на неё, воображая, как бы к ней подойти. А читала она, как я потом узнал, «Дым» Тургенева.

Через некоторое время ко мне подскочила какая-то довольно грубая дама и стала меня прогонять, дескать, у них нельзя так просто сидеть. Хотела, чтобы я чего-нибудь заказал. Фархунда подняла глаза, узнала меня и заступилась, сказала что я – её знакомый. Тогда мне разрешили посидеть просто так, но я всё равно заказал два мороженых, одно для себя, другое – для Фархунды. Так мы с ней и познакомились по-настоящему, разговорились.

Сегодня вечером она обещала прийти ко мне в гости. Как только мы расстались, я побежал на первый этаж торгового центра, в гастроном, и купил там торт, настоящий, бисквитный с кремом. А потом, у самого выхода, ни с того, ни с сего заскочил в зоомагазин и вышел

оттуда с настоящей, живой морской свинкой. Сам не знаю, как это случилось.

Вот она, сидит теперь в коробке из-под ботинок. Спина у неё чёрная, бока – коричневые. И глаза тоже чёрные, осторожно смотрят на меня из-под кусочков бумаги: я настриг ей много-много тонких бумажных ленточек, чтобы было уютней. Не хочу сажать её в клетку, в ней тесновато, да и самой зверюшке, кажется, там не очень нравится.

Надо же, морская свинка! И что мне с ней теперь делать!

Май 2016.